

**Литература и история в диалоге: новый историзм
как метод критического анализа**

Норхонова Шохиста Дилшодбековна

Магистр 1го курса

E-mail: i1shohistanorhonova@gmail.com

Муродова Дилдора Арабовна

научный руководитель, преподаватель кафедры узбекской и русской филологии
Азиатского Международного Университета, города Бухары

Аннотация: Статья посвящена новому историзму как методу литературной критики, возникшему в конце XX века. Рассматриваются его ключевые принципы: историчность текста, взаимосвязь литературы и истории, отказ от иерархии между «литературными» и «нелитературными» текстами, а также критическое отношение к объективности исторического знания. Показано, как новый историзм стимулирует анализ литературных произведений в их социальном, политическом и культурном контексте, раскрывая взаимное влияние текста и исторических процессов. Приводятся примеры применения подхода на материале пьесы Уильяма Шекспира «Ричард II».

Ключевые слова: новый историзм, литературная критика, исторический контекст, литература и история, междисциплинарность.

Annotatsiya: Maqola rus tili arxaizmlari, ularning terminologiyasi, xususiyatlari, tasnifi va qo'llanilishini o'rganishga bag'ishlangan. Arxaizmlarning badiiy adabiyotning ilmiy, badiiy, publitsistik kabi turli uslublarida qo'llanilishi ko'rib chiqiladi. Og'zaki va yozma nutqdagi eskirgan so'zlarni aniqlash va hozirgi kunda ham qo'llanilayotgan arxaizmlarni aniqlash.

Kalit soʻzlar: Yangi tarixiylik, adabiy tanqid, tarixiy kontekst, adabiyot va tarix, fanlararolik.

Abstract: This article is devoted to the study of archaisms in the Russian language, their terminology, characteristics, classification, and usage. It examines the use of archaisms in different styles of literature, such as scientific, artistic, and journalistic. It identifies obsolete words in spoken and written language and determines which archaisms continue to be used in modern language.

Keywords: New historicism, literary criticism, historical context, literature and history, interdisciplinarity.

В последние десятилетия область литературоведения претерпела существенные трансформации, сместив акцент с автономного анализа художественного текста на выявление его включённости в социальные, политические и культурные контексты, определяющие его форму и содержание [1]. Новый историзм бросает вызов традиционному восприятию литературы как автономного и вневременного выражения универсальных человеческих истин. Вместо этого он рассматривает литературное произведение как феномен, неразрывно связанный с конкретными историческими условиями своего возникновения. Литература выступает не только отражением эпохи, но и активным участником в формировании её дискурсивных и идеологических структур. Такой подход изменил методологические ориентиры литературоведческого анализа, подчёркивая, что текст невозможно интерпретировать в изоляции от властных отношений, социальных напряжений, культурных практик и политических процессов [1]. Существенным положением нового историзма является отказ от идеи линейного исторического прогресса и однозначной интерпретации прошлого. История в данном контексте понимается как совокупность конкурирующих

нарративов, каждый из которых отражает определённые властные отношения и идеологические установки. Литература, будучи частью этого процесса, не только репрезентирует историческую реальность, но и участвует в её символическом конструировании, воспроизводя или, напротив, проблематизируя доминирующие формы знания и власти. Если классический историзм стремился выявить закономерности развития литературы во временной перспективе и вписать отдельное произведение в общую эволюционную модель, то новоисторизм акцентирует внимание на фрагментарности исторического опыта и множественности интерпретаций прошлого. История в данном случае понимается не как единый нарратив, а как совокупность дискурсов, находящихся в постоянном взаимодействии и конфликте. Это принципиально изменяет характер литературоведческого анализа, смещая его с описания генетических связей на исследование дискурсивных практик. Подобное понимание историзма позволяет преодолеть противопоставление «текста» и «контекста», рассматривая их как взаимозависимые элементы единого культурного процесса. В результате литературоведение получает инструмент анализа, способный учитывать как специфику художественной формы, так и сложные механизмы её исторической детерминации[1]. Новый историзм акцентирует историческую обусловленность художественного текста и его связь с властью, социальными структурами и идеологическими установками. Новоисторический анализ смещает внимание исследователя с поиска универсальных смыслов на выявление конкретных механизмов взаимодействия текста и контекста. Это позволяет рассматривать художественное произведение как динамичное пространство смыслообразования, в котором пересекаются индивидуальный авторский замысел и коллективные культурные коды эпохи. Подобная перспектива расширяет интерпретационные возможности литературоведения и способствует более глубокому пониманию роли литературы в историко-культурном процессе[2]. Одной из ключевых методологических установок является пересмотр традиционной иерархии между

«литературными» и «нелитературными» текстами. В центр внимания попадает широкий спектр источников — от канонических произведений до юридических документов, дневников, хроник и повседневных памяток [2].

Кроме того, новый историзм ставит под сомнение объективность истории, рассматривая её как сконструированный нарратив, подверженный интерпретации и идеологической предвзятости. Исторические события и голоса в нём не равнозначны: одни получают привилегированное звучание, другие маргинализируются. Такой взгляд позволяет более критически подходить к реконструкции прошлого и учитывать множественность и противоречивость исторических интерпретаций [3]. Представители нового историзма подчёркивают взаимосвязанность литературы и истории, рассматривая их как взаимно конституирующие формы культурного знания [4]. Новый историзм, развивавшийся в условиях постструктуралистской критики гуманитарного знания, радикально пересматривает данные установки. В работах С. Гринблатта и его последователей история утрачивает статус объективной и нейтральной основы интерпретации, превращаясь в дискурсивное поле, в котором знание и власть находятся в неразрывной взаимосвязи. В этом контексте литературный текст перестаёт быть лишь отражением исторической реальности и начинает рассматриваться как один из механизмов её символического производства. Литературное произведение формируется под воздействием исторических сил и одновременно участвует в формировании исторических представлений и дискурсов. Примером служит анализ пьесы У. Шекспира «Ричард II» С. Гринблатта: пьеса, рассматриваемая в контексте восстания Эссекса, демонстрирует, как литература может отражать и оспаривать политический порядок.

Это позволяет расширить традиционное понимание историзма, интегрировав в него достижения современной теории дискурса и культурной критики. В результате литература предстает не пассивным свидетелем истории, а активным участником

процессов смыслообразования, определяющих историческую память и культурную идентичность. Новый историзм возник в конце XX века как реакция на «этический провал» предыдущих подходов, таких как новая критика и деконструкция, которые часто игнорировали исторический и культурный контекст [5]. Он оживил изучение истории в литературоведении, способствуя более глубокому пониманию текстов и их включённости в исторические процессы [5]. Кроме того, новый историзм отражает тенденцию к междисциплинарным исследованиям, разрушая границы между литературой, историей и культурой, и стимулирует критический пересмотр нарративов о прошлом и идентичности [5].

Список использованной литературы:

- 1) Gallagher, C., Greenblatt, S. *Practicing New Historicism*. Chicago: University of Chicago Press, 2000.
- 2) Висер, Х. Арам, редактор. Новый историзм. Routledge, 1989.
- 3) Соджерс Ч. *Литература и история: введение в литературную теорию*. Пер. с англ. М.: Академический проект, 2005.
- 4) Гринблатт С. *Воображаемое возрождение: эссе по поэтике культуры*. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.
- 5) Тышлер А. *Новый историзм в современном литературоведении: подходы и интерпретации*. — М.: Языки славянской культуры, 2010.